

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ, ПРОЯВЛЯЮЩИЙ ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Бескова И. А.

Бескова Ирина Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: irina.beskova@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию стилистики творческого постижения в контексте выявления ресурсов логико-методологического оснащения, обеспечивающего возможность анализировать не только рутинные мыслительные преобразования, но и пертурбации: эмерджентные, неконтролируемые, трудно выразимые, спонтанно рождающиеся состояния сознания, модифицирующие как пространство человеческой когниции, так и личность, данный опыт пережившую. В этой связи специальное внимание уделяется методологии трансдисциплинарности, которая — в силу специфики лежащей в основе холистической установки — позволяет приблизиться к исследованию целостных трансформационных преображений, осуществляющихся не в постепенном видоизменении элементов постигаемого, а единомоментно, в формате «все и сразу».

Следующие выводы могут характеризоваться как обладающие качеством новизны:

1. отличие трансдисциплинарности от мультидисциплинарности в том, что последняя выводит рассмотрение в плоскость суммативности, тогда как первая — в пространство целостности;
2. операцией, обратной по отношению к фрагментации знания, выступает не его «собрание» в контексте междисциплинарного синтеза, а трансценденция границ узкоспециально известного;
3. вышеупомянутая процедура названа «целением целостностью» и осуществляется через переживание субъектом состояния полноты присутствия в настоящем, сопровождаясь отождествлением с имеющимся в режиме «здесь и теперь»;
4. скачок осознанности, знаменующий парадигмальный сдвиг в индивидуальном сознании, представляет собой изменение типа связности: от двойственности к недualityности;
5. вводится понятие «мышление посредством сложностности», репрезентирующее особый модус функционирования разума (мышление как немышление и мышление как недеяние), что позволяет приблизиться к интенциональному истолкованию феномена человеческой интеллектуальности;
6. подлинно активной деятельностной инстанцией, внутренне интендированной к самораскрытию, выступает *сложностность как таковая*, которая больше, чем ее проявления, выразимые в формате противоречивого дискурса, осознание чего подводит к актуализации модуса многомерности мышления.

Ключевые слова: познание, сознание, трансдисциплинарность, многомерное мышление, скачок осознанности, инсайт, сложность, парадигмальный сдвиг, целостность, недualityность.

PARADIGMATIC SHIFT REVEALING THE NATURE OF THE HUMAN MIND

Beskova I. A.

Irina A. Beskova — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: irina.beskova@mail.ru.

Abstract. The paper concerns the study of creative comprehension stylistics in the context of identifying the resources of logical and methodological equipment that provides the ability to analyze not only routine mental transformations, but also perturbations: emergent, uncontrollable, inexpressible, spontaneously emerging states of consciousness, modifying both the space of human cognition, and the personality that undergo this experience. A special attention is paid to the methodology of transdisciplinarity. The last one permits (due to underlying holistic principle) to get closer to the processes' holistic transformations that are carried out not in a gradual modification of the comprehended elements, but simultaneously, by the “everything and straightaway” mode. In the investigation the following findings are novel:

1. concerning the difference between transdisciplinarity and multidisciplinary: the latter brings consideration into the plane of summation, while the former into the space of a wholeness;
2. the procedure reversed to the knowledge's fragmentation is not a putting together in the context of interdisciplinary discourse, but the transcendence of the boundaries of what is narrowly specifically known;

3. the operation named as “healing by wholeness” is carried out through the subject’s experience of being totally engaged in the present, that is accompanied by identification with what is available in the “here and now” mode;
4. a leap in awareness, marking a paradigmatic shift in an individual consciousness, implies a change in the coherence type: from duality to non-dual;
5. the special mode of mental state (“thinking by complexity”) is introduced to express some peculiar resources of mental being: thinking as non-thinking and thinking as *wu-wei* that permits us to get closer to the intensional interpretation of the human intelligence phenomenon;
6. complexity-taken-as-such, in its genuine primordially, is greater than kinds of its manifestations, it acts as a truly active cognitive agent, as an instance, that is internally intended to self-disclosure. Being expressed in a contradictory discourse it leads to the multidimensional thinking actualization.

Key words: cognition, consciousness, transdisciplinarity, multidimensional thinking, leap of awareness, insight, complexity, paradigmatic shift, wholeness, non-duality.

Введение. Любые новаторские изменения картины мира, любые преобразующие повседневную жизнь людей, их науку и культуру технологии, которые — после реализации в социальной действительности и/или в коллективном сознании социума — методологами могут расцениваться как парадигмальные, берут исток в индивидуальном сознании человека, способствовавшего появлению соответствующей инновации. Поэтому, чтобы природа скачкообразного преобразования мировосприятия, миропонимания, а вслед за этим и мироустройства, проявилась, специальное внимание следует уделить феномену парадигмальной подвижки индивидуального сознания в контексте реконструкции продуктивной способности творческого разума.

Признаком реализующегося Макросдвига в индивидуальном сознании является инсайтная пертурбация пространства осознанности, проявляющаяся в преображенном *видении* проблемной ситуации и в целом — в трансформации картины мира, причем данные изменения совершаются единомоментно, в режиме «все и сразу». Реализующееся при этом переформатирование ракурса восприятия сродни тому, о котором упоминал Х. Дрейфус, отмечая, что отличие между гроссмейстером и перворазрядником кроется не в количестве знаемых наизусть партий, а в исходном ином *видении* ситуации на доске.¹

Выразительной иллюстрацией данной особенности мышления может служить воспоминание космолога и физика-теоретика Е. А. Милна, обратившегося однажды к Резерфорду с вопросом, что он думает по поводу решения, предлагаемого Тьютином (активно критиковавшим модель атома Резерфорда). Тот отреагировал жестко, назвав модель Тьютина полной чепухой. Милн поинтересовался, откуда он знает, что Тьютин неправ, а он сам прав. Характеризуя итог полемики, У. Гратцер пишет: «Легко представить себе грузного Резерфорда, который навис над тщедушным Милном и проревел: “Когда вы видите слона и блоху, вы сразу знаете, кто прыгает — слон или блоха”». ² Комментируя данное свидетельство, хочу обратить внимание: фокус здесь не в том, что, увидев слона и блоху, гений сразу догадывается, кто прыгает, а в том, что он сразу видит, условно говоря, «кто в данной ситуации слон, а кто блоха». В этом кроется один из аспектов способности изначально воспринимать проблемную ситуацию под продуктивным углом зрения, иначе, чем многие другие. И именно это, на мой взгляд, характерно для скачкообразной трансмутации осознанности, когда, как в волшебной камере калейдоскопа, одно движение пальцев (изменение ракурса рассмотрения) рождает полностью новую картину воспринимаемого.

---

¹ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978. 334 с.

² Гратцер У. Эврики и эйфории. Об ученых и их открытиях. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. С. 115.

Признаки и движущие силы парадигмального Макросдвига в индивидуальном сознании

Внезапная вспышка молнии!
Искры от железа, ударившего по кремню!
Неожиданный проблеск в уме,
И ноги уже идут в другую сторону.³

Когда в индивидуальном сознании происходит скачок осознанности, пространство знаемого, подчас *сама структура знаемого*, изменяются как бы **самопроизвольно**: не потому что субъект познания как агент действия что-то в этом направлении предпринял или что-то для себя решил. Модус состояния субъекта в мгновении парадигмальной подвижки — это *модус недеяния*. Поэтому совершенно неслучайно, что самые глубокие прозрения приходят к человеку тогда, когда он не находится в активном ментальном поиске: не размышляет целенаправленно над решаемой задачей, иногда бросает ее, посчитав ресурсы решения исчерпанными. Вот почему так плодотворны состояния дремотного перехода от бодрствования к первой фазе сна, парадоксальный сон (сон со сновидениями), отдых, расслабление с переключением внимания на другой вид деятельности или простое бездействие, занятие какими-то вполне будничными делами и пр.

Я говорю о модусе функционирования разума, когда субъект перестает осуществлять непрерывные навязчивые интервенции в пространство решаемого. При этом идентификация с агентированной позицией деятельностно-ориентированного сознания растворяется. Это приводит к самопроизвольному установлению режима ментальной тишины, позволяющего интендированному к самораскрытию содержанию беспрепятственно реализоваться в согласии с собственной логикой трансформации и проявления. Подобный сдвиг совершается скачком: возникающее при этом в пространстве знаемого носит эмерджентный характер и не пред-

---

³ Мумонкан. «Застава Без Ворот». Сорок восемь классических коанов дзэн с комментариями Р. Х. Блайса. СПб.: Евразия, 2000. С. 175.

ставляет собой собрание частей или фрагментов знания, на предыдущем уровне в пространстве осознанности у субъекта уже имевшихся.

Это довольно тонкий момент: как может вновь рождаемое в трансформационном сдвиге знание не состоять из прежде известного, если все знание «стоит на плечах» ранее известного?

Я говорю о следующем обстоятельстве: возникающее в подобном инсайтном преображении не воспринимается носителем как из множества частей состоящее, как их совокупностью репрезентируемое. Наоборот, переживаемая в таком скачке трансформация ощущается как целостное преобразование всего пространства знаемости, рождающее новый ракурс *видения*, возможно, ранее уже известного, присутствовавшего в смысловом поле субъекта как носителя знания. Это как тот самый принципиально новый взгляд на мир, новое нестандартное *видение* всей познавательной ситуации в целом, о котором говорил Дрейфус, рассуждая о специфике мышления гроссмейстера.

Еще раз подчеркну: безусловно, постфактум смысловые связки инсайтно постигнутого с ранее известным будут обнаружены, выводы прослежены и реконструированы, но в момент реализации скачка осознанности ничего этого нет.

Данный модус трансформации сознания, по моему глубокому убеждению, представляет собой *скачок в структуре связности пространства когниции*. А именно — двойственное состояние разума (вычлениются познающий **и** познаваемое, процесс познания **и** его результат, личность творца **и** рождаемая им идея), которое характерно для стадии анализа проблемной ситуации, сбора данных, выведения следствий из имеющихся постулатов, разметка последовательных шагов в исследовании, постановка задач и т. п., сменяется состоянием недвойственности. А именно — модусом функционирования разума, при котором нет постигающего **и** постигаемого, деятельности **и** ее результата, агента действия **и** деятельности как сферы приложения его сил. Это пространство целостной связности, в котором пертурбация затрагивает все и сразу, а не отдельные моменты и в постепенной их реализации.

Осуществляющееся в этом скачке преобразование может быть метафорически представлено как алхимическая трансмутация⁴ не только известного, но и самой личности, подобному преобразованию подвергшейся. В то же время рутинная деятельность решающего задачи ума представима как в значительной степени алгоритмизируемая процедура последовательного перехода от одного известного постулата к другому в преобразовании, осуществляемом согласно принципам рационального мышления и в соответствии с критериями научной легитимности построения. Напротив, инсайтно постигнутое — это не то, что выведено или *ментально* преобразовано, а то, что всей интегральной целостностью человеческой экзистенции (вне диссоциации на ум/тело/душу/дух) *тотально пережито*. Яркая эмоциональная реакция — очень характерный признак инсайтного постижения: человек в это мгновение *не знает*, а именно всем своим существом с бесспорной для него убедительностью *ощущает*, что решение найдено, и оно верно.

Знаменателен в этом отношении еще один эпизод с участием Резерфорда. Его коллега и помощник М. Олифант рассказывал: «Однажды мы отправились домой, так и не разобравшись с результатом эксперимента. В три ночи у меня зазвонил телефон. Жена сообщила, что профессор хотел бы со мной поговорить. Резерфорд произнес: “Я тут догадался: частицы из ближнего диапазона — это гелий-3”. Я попросил у него обоснований, и тогда он взорвался: “Обоснования? Обоснования? Я это чувствую!”».⁵

В целом можно сказать, что скачок осознанности, знаменующий наступление парадигмального сдвига в индивидуальном сознании, отличается от модуса рутинного преобразования ин-

---

⁴ Данную метафору я использую для обозначения изменения, затрагивающего не только элементы изменяемого, но и **формат их «сборки»**, *тип связности*, актуализированный в пространстве трансформации, проявляющийся как скачок от модуса составности к модусу целостности осуществляющегося преобразования.

⁵ *Гратцер У. Эврики и эйфории. Об ученых и их открытиях.* М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. С. 116–117.

формации возникновением в пространстве диссоциирующего само- и мировидения состояния недвойственной целостности со всем сущим, в том числе — с решаемой задачей, с процессом ее решения, со всем массивом знаемого, который в это мгновение утрачивает статус отдельности, независимости, противопоставленности знающему и предстает как всего лишь другая грань, другая ипостась, новое проявление осознанности того, через кого и посредством кого данный скачок реализовался.

Признаки парадигмального сдвига в индивидуальном сознании:

- происходящий скачок связан с мгновенной трансформацией модуса двойственности в режим недвуальности;
- видение наличествующего положения вещей меняется в формате «все и сразу», а не последовательно и частями;
- структурные составляющие совершившегося преобразования вычленимы только в постфактумной реконструкции, в момент переживания инсайтного постижения детали и аспекты происходящего для сознания не проявлены;
- пертурбация в пространстве когниции происходит целостно, вследствие чего алхимической трансмутации подвергается не только реестр знаемого, но и субъект, переживающий подобное преобразование. В момент инсайта человек словно выпадает из пространства двойственности, — привычного модуса функционирования разума в рутинной мыслительной деятельности, в это же мгновение рождаясь в пространстве недвуально видоизменяющегося.

Но как «методологически обслужить» подобный необычный ресурс трансформации сознания, если средства исследования, вполне продуктивные по отношению к рутинным режимам работы разума, оказываются не столь эффективными, когда обстоятельства требуют перехода к стилистике мгновенной, спонтанной, всеобъемлющей трансформации, осуществляющейся в скачке осознанности, преобразующем как само пространство знаемости, так и личность, данное преобразование переживающую?

Феномен трансдисциплинарности в зеркале «целения целостностью». Подходящим инструментом осуществления «методологического сопровождения» взрывных, лавинообразных процессов, характеризующихся целостной трансформацией вовлеченного, видится методология трансдисциплинарности.⁶ Полагаю, ее специфика в следующем:

- – интер-, плюро-, мультидисциплинарность⁷ обеспечивает выход за пределы каждой из отдельных дисциплин в плоскость *суммативности*;
- – трансдисциплинарность подразумевает выход за пределы изолированной дисциплинарности в пространство *целостности*⁸.

Чем отличается первое от второго?

Суммативное *видение составно*: «сохраняет память» о наличии отдельных самостоятельных «окончателюностей», вошедших в репертуар соединенных возможностей. Целостное восприятие *несоставно*: трансцендируя границы отдельных пониманий, оно не принимает изолированные конфигурации в статусе собственных составляющих, преодолевая исходную понятийно-предметную ограниченность, а не наращивая ее за счет простого суммирования множества частных в некое подобие внешне полагаемого единства.

Сепарация отдельных предметностей, сопровождающаяся *появлением границ* узко-дисциплинарно известного, приводит к **ак-**

---

⁶ См., напр., *Киященко Л. П.* Человек в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания // Реплики: философские беседы / Отв. ред. Ю. В. Синеокая. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 425–446; *Киященко Л. П.* Метафизический хронотоп творчества / Философия творчества. Вып. 9. М.: Голос, 2023. С. 26–37; *Transdisciplinarity: Theory and Practice / B. Nicolescu (ed.)*. Cresskill: Hampton Press, 2008. 299 p.

⁷ Соответствующие понятия см. *Crăciun C.* Pluridisciplinarity, Interdisciplinarity and Transdisciplinarity: Methods of Researching the Metabolism of the Urban Landscape // *Planning and Designing Sustainable and Resilient Landscapes*, 2014. P. 3–14.

⁸ Разнообразные аспекты истолкования феномена целостности можно найти в монографии «Человек как открытая целостность» / Отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. 420 с.

туализации в пространстве научной рефлексии режима фрагментации знания. Самим обстоятельством своего установления данный модус мировидения трансформирует природу исследуемого. Поскольку знание по своей сути *несоставно*, обеспечивается не только использованием ментально-вычислительных потенций интеллектуальности, но всей полнотой человеческой экзистенции (приблизительно выразимой как недуальная сплавленность «ум-тело-душа-дух»), постольку представление о доминирующей значимости **ментального** компонента в генерации знания **искажает саму основу** понимания как феномена знания, так и логики его порождения.

Истолкование природы и истоков знаемости, трансформированное в подобном ключе, влечет отстраивание *всего инструментария* научных дисциплин в соответствии с презумпцией изолирующего мировидения и упрощенного истолкования процесса познания. Но поскольку подобная установочно-методологическая роль диссоциирующего подхода исследователями не воспринимается как критически значимая для адекватности создаваемой на этой основе картины мира, то кажется, что можно компенсировать издержки первого этапа (фрагментацию исследуемого), если изначально диссоциированное и изолированно рассмотренное затем попытаться объединить в усилия междисциплинарного синтеза. Т. е. получается, что процедурой, обратной дисциплинарной дифференциации, видится процедура дисциплинарного синтеза: объединения аппаратов, средств, ресурсов отдельных научных дисциплин.

Однако это не так: целостность, фрагментированная на составляющие прямо в момент первой встречи, **исходного** восприятия исследуемого, при «извне интендированном собирании» дает модус *суммативности*, а не целостность, т. е., условно говоря, **другую размерность** по следам исходного разбиения воссозданного. Думается, именно этим фактором обусловлен иной результат изначального видения ситуации на доске, когда на нее смотрят перворазрядник и когда ее воспринимает гроссмейстер. Перворазрядник пытается применить все вариации знаемого к

тому, что оказалось в фокусе его внимания. Гроссмейстер видит укорененную в мгновении исходной встречи неповторимость задачи, не пытаясь втиснуть ее в прокрустово ложе **преждезнаемого**. Даже если конфигурация на доске ему знакома в формате некогда изучавшейся или сыгранной партии, это знание *не довлеет* над его *видением* всей полноты, проблемности, всего формата реализующейся связности, поскольку этим не исчерпывается потенциал взаимодействия огромного комплекса факторов в контексте решения локальной задачи.

Еще один аспект, затрудняющий применение адекватных методологических ресурсов, обеспечивающих возможность целостного *видения* проблемной ситуации, следующий. Несмотря на «пропетый мною гимн целостности», нельзя не сознавать, что фрагментация знания необходима, поскольку дает возможность, выделив немного в качестве критически значимого, получить что-то знаемое как окончательно установленное, как интерессубъективно утвердившееся, реализующееся везде и всегда, где и когда наступают условия, потребные для его реализации. Знание в его первозданности слишком аморфно, слишком многопланово и многозначно, мультимодально, многослойно и неокончательно, оно *слишком «неудобно»* для того, чтобы его можно было беспрепятственно поместить в основу научно-технического развития цивилизации.

Каков же выход?

Коллизия непроста: получается, нам нужна фрагментация знания, чтобы *научно знаемое* стало возможным, состоялось в качестве фактора прогресса социума. В то же время восстановление утраченного при разбиении единства тоже совершенно необходимо, потому что изолировавшиеся предметности не обеспечивают прохождения пространства границ дисциплинарно очерчиваемого, — самых уязвимых участков знаемости, дающих множество парадоксов и противоречий при попытках включения подобным образом отстроенного знания в самое основание других подходов.

Выход мне видится в феномене «целения целостностью» и, как следствие, в переходе к трансдисциплинарному *видению* границ

предметностей, хотя бы отчасти позволяющему преодолеть издержки изначально осуществленной деконструкции в направлении восстановления в этом процессе утраченного отприродного единства.

О целении целостностью я говорю как о процедуре *действительно обратной* по отношению к исходно осуществленному разбиению знания на фрагментированные фракции конкретными дисциплинами изучаемого. Иными словами, полагаю, что восстановление исходного единства, утраченного в изолирующем мировидении, обеспечивается не суммированием методологий отдельных наук, не собиранием «ракурсов видения» из перспектив разобщенно функционирующих дисциплинарных предметностей, а восстановлением целостности как формата связности, апеллирующего к живости, жизненности знания и известного.

Реализуема ли подобная трансформация? И если да, то как она может быть обеспечена?

Через переживаемые субъектом состояния: если это ментальное преобразование существующего знания в формате оперирования информацией (изучения отдельных позиций, выделения общего в них, построения на этой основе некой модифицированной методик, осуществляемое методом проб и ошибок, а не через озарение, не через скачок осознанности), то мы имеем дело с механическим наращиванием сложности в анализе исследуемого, — с преобразованием проблемного поля, которое практически не затрагивает личность индивида, сохраняя привычную идентичность.

В формате порождения нового, осуществляемого через алхимическую трансмутацию осознанности, человек перестает воспринимать свою отдельность и отделенность от проблемной ситуации, свою инаковость по отношению к исследуемому, а также к репертуару ресурсов, в его распоряжении имеющихся. Он перестает «строить» вывод и в мгновенном озарении схватывает решение как состоявшийся, свершившийся факт, хотя в момент преображения ни готового оформления решения, ни тем более его рационального обоснования еще не имеет. Есть лишь самоо-

чевидная ясность, родившаяся в инсайтном постижении, что решение достигнуто и оно верно (вспомним эмоциональную реакцию Резерфорда: «Объяснение? Объяснение? Я это чувствую!»). В этом случае можно сказать, что мы имеем дело с реализацией целостности как стратегии постижения: мгновенного прямого усмотрения в непосредственном переживании схваченного.

Инструментом реализации, как в первом, так и во втором случае, выступает человек: и даже не как фигура, предметно **воплощающая** знаемое, а как **знаемость в чистом виде** — вне апелляции к формату ее *воплощенности* («представленности во плоти») в пространстве физически сущего. Его индивидуальное сознание является тем пространством когниции, которое — при разных условиях — может дать как интегрированность уровня мультидисциплинарности (с сохранением границ и барьеров между институционально закрепившимися рамками отраслевого картирования), так и трансценденцию имеющих предметных ограничений в формате преобразования «все и сразу».

Таким образом, я говорю о ресурсности непривычной методологической стратегии: перестать смотреть на динамику трансформации универсума знаемого как на процесс, реализующийся — всегда и только — *субъектом* как единственным активно интендированным началом, исключительным агентом действия, и увидеть потенциал восприятия процесса познания под другим углом зрения: как динамику трансформации **осознанности как таковой** — вне аспекта привязки к определенному носителю осуществляющейся трансформации. Этим я стараюсь привлечь внимание к необходимости принятия в расчет особого модуса функционирования разума, который может быть представлен как *самопревращение*, *самотрансформация* сложности, вне апелляции к носителю данного преобразования.

Посредством каких методологических ресурсов может быть обеспечена искомая оптика?

Реляционно-трандуктивное мышление как инструмент исследования целостности. Превосходна идея реляцион-

но-трансдуктивного подхода,⁹ который, в отличие от механо-подобных ресурсов, делает акцент на целостности, связности в соотношениях «фигура/фон», «предмет рассмотрения/контекст», сосредоточивая внимание на доиндивидуальной стадии существования целостности, интендированной к проявлению в формате ставшей предметности.

Внимание к стадии доиндивидуального становления продуктивно и более чем оправданно, поскольку, когда исследование начинается прямо с фазы предметной завершенности прошедшего индивидуацию организма или артефакта, возникает иллюзия, что до появления на свет (в статусе состоявшейся, реализованной предметности) «в-будущем-сущий» как бы не существовал, а если и существовал, то ничего значимого в этот период не происходило. И совершенно неслучайно, что до недавнего времени в психологии преобладал взгляд на внутриутробное становление организма — и в целом на перинатальный опыт — как на стадию своего рода *недоразвития*: считалось, что это время, когда будущий ребенок только спит, питается и выделяет, — и этим его витальные потребности (а главное *возможности*) исчерпываются. Так «работает» методологическая установка механистического, упрощающего мировидения. Сейчас подобная позиция заслуженно критикуется как устаревшая и не соответствующая реальным динамикам трансформационных процессов — в том числе в сфере формирования когнитивного потенциала будущей индивидуализировавшейся субъектности.¹⁰

Однако интересно, что до того, как к данной мысли пришли ученые, ценность потенциала, условно говоря, «*нерожденности*», по сути доиндивидуального формата восприятия/усмотрения/схватывания происходящего, подчеркивали представители как

---

⁹ Свирский Я. И., Аршинов В. И. Реляционно-трансдуктивное мышление как аспект мышления-вместе-со-сложностью // глава в данном издании.

¹⁰ Петросьян С. Н. Пренатальный и перинатальный периоды развития ребенка как кризисный этап становления личности // Вестник АГУ. Выпуск 3 (183). Психологические особенности внутриутробного развития. 2016. С. 114–122.

древних духовных традиций, так и современные учителя, достигшие глубоких пониманий на пути освоения знания.

Например, мастера дзэн в свое время призывали смотреть на мир «глазами нерожденного». ¹¹ Так, чаньский наставник Юаньсоу говорил: «"Едиственный путь за пределы" обширен, как десятикратно умноженное пространство вселенной; его нельзя найти сознанием, его не обрести не-сознанием. Его не достичь с помощью слов, его не постичь молчанием. Самое главное — при держиваться несокрушимой веры и смотреть сквозь состояние, существовавшее до появления зародыша, до различения каких бы то ни было признаков» ¹².

По-другому формулируемая, но сходная по направленности мысль Дж. Кришнамурти звучит как призыв воспринимать опыт, который человек приобретает, взаимодействуя с миром реальности, как *первое и последнее впечатление*: отдавая всю полноту внимающего присутствия разворачивающемуся процессу, отказываясь от стереотипов и штампов «обучения», реализовавшегося в контексте дуализирующего мировидения. ¹³ Толли Беркен, автор теории экстремальной духовности, проследивший истоки и потенциал преобразования человеческих возможностей в экстраординарных обстоятельствах, констатирует: «Когда вы вдыхаете запах розы на сто процентов, вы становитесь запахом розы. Вы буквально сливаетесь с тем, что переживаете в данный момент, и перестаете быть получающим опыт». ¹⁴ Буддолог и философ Д. Т. Судзуки характеризует значимость такого типа мировосприятия для реализации творческого потенциала. В частности, отвечая на вопрос, как создается гениальное произведение, он подчеркивает: отдавая всю полноту внимающего безмолвия происходящему, человек становится созвучным пу-

---

¹¹ Нерожденный. Жизнь и учение мастера дзэн Банкэя. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.

¹² Сущность дзэн. Искусство быть свободным. СПб.: Евразия, 2000. 352 с. С. 201–202.

¹³ Кришнамурти Дж. Самому себе. Последний дневник. М.: Ганга, 2020. 192 с.

¹⁴ Беркен Т. Экстремальная духовность. Потрясающее путешествие за внутренними границами. М.: ИД «София», 2004.

стоте или таковости. В этом состоянии в нем и предмете интереса устанавливается единая пульсация жизненности, которая позволяет человеку прочувствовать динамики другого в себе как в-нем-самом-реализующиеся. И тогда, условно говоря, не художник рисует растение, а растение, овладевая кистью и пальцами художника, через него, посредством его потенциала, выражает себя на бумаге.¹⁵

Все эти суждения имеют в своей основе нечто фундаментально значимое: когда адресация к объекту интереса осуществляется не из перспективы опредметившейся, ставшей индивидуальности, отгородившейся от всего пространства существования эго-центрированной¹⁶ самостью, изменяется как пространство взаимодействия с предметом интереса, так и структура личности, в так преобразившемся взаимодействии себя обнаруживающей. Однако это модус функционирования, который произвольно (в соответствии с намерениями, преследуемыми целями и затрачиваемыми усилиями) не устанавливается. Как говорил Дж. Кришнамурти, я могу держать окно открытым, но я не могу заставить птицу влететь в него.

Что же является признаком, внешней приметой того, что модус мировидения (несмотря на заявленную интендированность достичь «целения целостностью») остается суммативным, дуалистически отстроенным?

Один из основоположников когнитивной психологии, Ульрих Найссер вслед за своим другом и коллегой Дж. Гибсоном (автором широко известной теории зрительного восприятия) констатировал, что всякий акт экстероцепции сопровождается эго-рецепцией, представляющими собой две стороны одной медали.¹⁷

---

¹⁵ Судзуки Д. Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев: ИД «София», 1996. 288 с.

¹⁶ Термины «эгоцентрированность», «эгоцентрический», а также производные от них формы, я использую в приведенной нотации, чтобы акцентировать существенную соотнесенность данных феноменов со структурой «эго».

¹⁷ Neisser U. The Roots of Self-Knowledge: Perceiving Self, It, and Thou // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y.: New York Academy of Sciences, 1997. P. 19–33.

Именно в этом моменте мне видится одна из причин того, почему акт восприятия происходящего с позиции стороннего наблюдателя влияет на течение процесса, определяя стилистику наблюдаемого. Экспериментальные данные свидетельствуют: присоединение внимания к деятельности усиливает переживание деятельности. В частности, было установлено, что когда человек смотрит на ту часть своего тела, к которой прикасается, соматосенсорная зона коры головного мозга, отвечающая за интерпретацию тактильных ощущений, активизируется сильнее, чем когда он не обращает внимания на прикосновение.¹⁸ Иначе говоря, *направление внимания на реализуемую деятельность — а значит, и на саму деятельность направления внимания* — делает переживание более выразительным, ярким и отчетливым.

Полагаю, именно поэтому в деятельности рекурсивного замыкания внимания кристаллизуется новое ощущение — *самости* как чего-то отличного от всего прежде человеком испытанного. С момента актуализации данного модуса самоощущения одно и то же — физиологически, субстанциально, телесно — существо, в одно и то же время, в одном и том же отношении становится «я» и «не-я». «Я» — как то переживание, которое конституируется при *направлении внимания на саму деятельность направления внимания, при обращении способности сознавать на саму эту способность*, когда человек «сознает себя сознающим». И «не-я» — как все остальные формы переживания собственной представленности в мире, которые по сравнению с предыдущей оказываются менее отчетливыми, менее рельефными. И отныне это та самая *позиция* дуального миропонимания, которая проявится и при взгляде на самого себя, и на окружающее, и на других существ.

Таким образом, диссоциированный ум будет все воспринимать как двойственность, потому что такова его собственная природа, ведь любая репрезентативная система распознает в окружающем то, что созвучно, резонансно ей. Иными словами,

---

¹⁸ Эккерман Дж. Краткая история человеческого тела; 24 часа из жизни тела: секс, еда, сон, работа. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. С. 52.

мир может быть *и такой, и другой*, но дуально ориентированный разум увидит в нем именно диссоциированные процессы, двойственные упорядочения, дуальные проявления. Можно сказать, двойственность мировидения и миропонимания — это та искажающая восприятие линза, которая практически постоянно перед мысленным взором человека, прошедшего индивидуацию в формате изолированной, предметно состоявшейся **сущности**. Поэтому когда мы видим мир поделенным на противоположные начала, представимые в формате дихотомических пар, это говорит не столько о том, каков мир, сколько о том, каков *тот инструмент* познания (пораженный диссоциацией ум), который мы направляем на постижение и мира, и самого себя.

Нетрудно осознать, что на стадии доиндивидуального формата представленности ни подобные переживания, ни аналогичные трансформации невозможны, хотя бы потому, что на этой стадии отсутствует индивидуализировавшаяся предметность, которая могла бы ощутить себя в противоположении хоть с чем-то или с кем-то. А вместе с этой недостижимостью оказывается исключен и двойственный модус мировидения, провоцирующий искажающее *эго*-центрированное понимание существующего. Так и оказывается, что «слабости» и «несовершенства» когнитивного репертуара возможностей пренатального периода становления будущей индивидуальности оборачиваются мощью потенциала «нерожденности», доиндивидуального формата становления будущей сущности, если мы смотрим на ситуацию из иной методологической перспективы.¹⁹

Ключевое отличие между первым и вторым форматами, таким образом, я вижу в феномене *эго*-центрированности: для индивидуализировавшейся сущности это основной модус мировидения, для стадии доиндивидуального становления это логически невозможная перспектива организации и упорядочения опыта, поскольку отсутствие *того, кто* мог бы ощутить себя подобной

---

¹⁹ Подробнее обсуждение этой темы см. Бескова И. А. Смыслообразование как эпистемологический феномен // Философия творчества: Философско-методологический анализ творческих процессов. Вып. 9. М.: Голос, 2023. С. 106–180.

выделенной привилегированной когнитивной инстанцией, делает данную процедуру неосуществимой.

Поэтому утверждение, что эго-рецепция сопровождает экстероцепцию как другая сторона медали, можно принять только с оговорками: не для всех режимов функционирования разума данное суждение истинно. Это значит, что потенции человеческой восприимчивости, параметры и результаты «добывания» известного, специфицированы относительно того, *как* интересующее нас знание было получено, состоялось.

Однако что происходит, если восприимчивость представлена не лучом туннелированной адресации, а **состоянием тотальной внимательности**, когда внимание — это не процесс, не деятельность по направлению чего-либо *на* что-либо, а полнота мгновенного пробужденного присутствия в моменте «здесь и теперь»? Что произойдет с эго-рецептивной компонентой акта восприятия, о неустранимости которой говорил У. Найссер? Полагаю, если нет «того, кто» направляет внимание на интересующий предмет (просто потому что вместо направления внимания (*формат деятельности*) наличествует состояние тотальной внимательности как полноты присутствия в происходящем — *формат надеяния*), то и эго-рецептивная составляющая перцепции растворена. Выражая эту мысль языком другого методологического дискурса, можно сказать, что позиция субъекта познания как агента действия неактуализирована.

В данном преображении осознанности видоизменению подвергается не только эго-рецептивная составляющая процесса познания, но и экстерорецептивная, поскольку:

- а) когда нет «того, кто» направляет внимание, то нет и «того, на что» оно направлено, т. е. растворяется объективирующая нацеленность внимания как действия, замещаясь состоянием тотальной внимательности как недualmente-целостного режима проявления сложности;
- б) как бы человек ни смотрел на мир и ни истолковывал соотношения внутри дихотомических пар («субъект/объект»,

«фигура/фон», «процесс/результат», «агент действия/осуществляемая им деятельность»), они суть одно. Но если это так, радикальное изменение той «составляющей», которая при другом взгляде на мир предстает как субъект познания, личность, агент действия, — а именно, ее растворение, — приводит к видоизменению «объекта» действия, — и тоже к его растворению. Однако когда растворились и субъект действия (в формате индивидуализировавшейся предметности), и объект (в формате отчлененной от субъекта специфицированной индивидуальности), что происходит с процессом познания? Из *«того, что»* осуществляется (делается **сущим**) *между* двумя состоявшимися, оформившимися частностями, — корпускулированная ипостась квантово-волнового дуализма, мы оказываемся в сфере влияния (актуализации) волновой ипостаси изолированно, субстанциализированно, предметно *не-сущего*.

Это означает, что мы скачком, эмерджентно, обнаруживаем себя в пространстве волновых, а не корпускулярных зависимостей, *не совершив при этом никаких действий*, которые бы допускали адекватную интерпретацию в контексте субъект/объектной и деятельностной парадигмы. Т. е. пережив состояние, в котором самость оказывается растворена, а перцептивность, как тотальная мгновенная всецелая восприимчивость, радикально преображена, человек **самим актом подобной трансформации создал прецедент**: в пространстве когниции актуализированной оказалась не установка дихотомизации и фрагментации, индивидуации и противопоставления, а модус субстратной непроявленности, — как раз доиндивидуальный статус становящегося сущего.

Когда подобная пертурбация пространства когниции реализована, это и значит, что реализована возможность смотреть на мир глазами нерожденного.

Таким образом, реляционно-трандуктивный подход плодотворен, гибок, эвристичен, глубок и ресурсен в роли инструмента

методологического оснащения исследований, поскольку апеллирует к неискаженной перспективе миропонимания, обеспечивающей надежную платформу в обращении к постигаемому.

Однако остается вопрос, насколько используемые средства адекватны постулируемым целям: обеспечивают ли они ту оптику, которая позволяет видеть мир как пространство целостности, недualityности, доиндивидуального модуса «встречи» воспринимаемого?

И здесь я вижу проблему, которая, вообще говоря, имеет отношение не только к данному направлению, но и к любым исследованиям, ориентированным в своем поиске на выражение невыразимого, желающим говорить о запредельном, но при этом используя ресурсы категориального мышления и двойственного по своей природе естественного языка.

Потенциал выражения невыразимого. В моем понимании, наиболее сложным моментом для выражения в языке точных средств является феноменология целостности, трактуемой мною как несоставность: из частей, элементов, множеств не состоящее, к этим ресурсам репрезентации не сводимое, в случае же выражения через подобного рода ментальные конструкты утрачивающее свою видоспецифичность, превращаясь в нечто, от суммативности неотличимое. Как инструментально оснастить подход, апеллирующий к несоставности (а следовательно, невыразимости в формате отсылки к элементам, множествам, частям, а также к их взаимосвязям и взаимоотношениям), к доиндивидуальности (а следовательно, к а/предметности, вещественной непредставленности, в формате ставшего существования не данности), если точные средства анализа сформированы в соответствии с идеями множественности, элементного состава, выразимости через указание возможных положений вещей (описаний состояния) и пр.?

Например, если утверждать, что «реляционно-трансдуктивное мышление подчеркивает важность изучения и выявления сложностных взаимосвязей между различными элементами си-

стемы» (курсив мой — *И. Б.*), то мы уже оказались на платформе суммативного модуля репрезентации, поскольку:

1. если имеются *отношения между* чем-то одним и чем-то другим, значит а) **есть** «одно» и «другое», есть *элементы* как индивидуализировавшиеся, ставшие предметными данностями, допускающие возможность существования отношений между ними, и б) отношение предстает как нечто внешнее применительно к связываемым им **сущностям** (элементам системы), также обретая определенный формат предметной **осуществленности**. Оба этих момента указывают на то, что доиндивидуальный модус рассмотрения оставлен позади;
2. в соответствии с утверждаемым получается, что есть *то, о свойствах чего* говорится (мышление предстает как тип активного деятельностного начала, актора, способного/интендированного к осуществлению деятельности: «**мышление** подчеркивает»), выступая в роли объекта приписывания свойства («*подчеркивает* важность изучения»). Таким образом, по факту осуществлено субъект/предикатное фреймирование пространства репрезентации;
3. поскольку в формулировке фигурирует понятие «элементы системы», пространство, таким образом представленное, не может быть пространством целостности, т. к. целостность несоставна.

Если в определении характеристик подхода в дополнение к сформулированному выше уточнить, что «компоненты не существуют изолированно, оказывают взаимное влияние и взаимосвязаны с другими», то именно существующими изолированно они в такой подаче и предстают, поскольку отношение устанавливается *между* ними: нельзя установить отношение между тем, что не обрело форматной представленности.

Таким образом, в формулировке характеристик реляционно-трансдуктивной методологии, несмотря на интендированность реализовать целостное миропонимание, в используемых средствах выражения обращают на себя внимание приметы диссоциирующего мирозидения: во-первых, апелляция к **сущ-**

ностям указывает, что реализована индивидуация, предметно сущее представлено/предстало в формате *отношений между* (субъектом и объектом адресации внимания), т. е. актуализирована дуализирующая установка миропонимания, использовано фреймирование пространства когниции дихотомиями «процесс/результат», «агент деятельности (актор)/осуществляемая им деятельность»). Насколько это значимо?

Глубокие, интенциональные²⁰ по своей интендированности идеи, будучи выражены языком обыденных представлений, экстенциональным по своему потенциалу выразимости, превращаются в неэкстенциональные,²¹ уровня суммативности, теряя заложенный в них потенциал интенциональной адресации к проблемному полю.

Однако ситуация с возможностью выражения невыразимого и репрезентации в-точных-средствах-нерепрезентируемого еще сложнее, а проблема глубже. Естественный язык *организован* в соответствии с логикой и методологией дуальности: субстанциализация, категоризация, субъект/предикатное фреймирование пространства выражаемого. Как на таком языке без искажения формулировать идеи недуальности, несоставной целостности, доиндивидуального статуса существования/несуществования предметно неоформленного, но, тем не менее, не просто имеющего право на жизнь, но и реализующего очень важные ее аспекты, из перспективы дуализирующего разума неразличимые?

---

²⁰ В формальной логике в основе понятия *экстенциональности* лежит отсылка к **значениям** анализируемых выражений, а выявление соотношений между разными выражениями языка предполагает апелляцию к их **объемам**. В основе *интенциональности* лежит необходимость адресации к **смыслам** анализируемых выражений, а сопоставление их на предмет взаимозаменяемости предполагает апелляцию к тождеству смыслов, т. е. к синонимии.

²¹ Характеристика неэкстенциональности выражает некий промежуточный уровень глубины семантического анализа выражений естественного языка, превосходящий потенциально экстенционального модуса рассмотрения, но не подпадающий до интенционального. Так, контексты, требующие для определения истинностного статуса апелляции к множеству возможных миров, а не рассмотрения в одном-единственном выделенном мире, могут быть оценены как неэкстенциональные.

Необходимо учитывать: если мы хотим репрезентировать идею целостности через апелляцию к понятиям «составного» ряда: «элементы», «множества», «части», «компоненты» и пр., в само основание исследования мы закладываем «мину» противоречивости, поскольку цель выражения исключает оперирование ресурсами, область определения которых — «нецелостный» дискурс. Это все равно, что идею гиперкубичности репрезентировать, ссылаясь на тессерактность: да, какие-то аспекты знакомого на этой основе удастся выразить, но саму сердцевину четырехмерия мы утрачиваем, сведя ее к размерности развертки из 3D-объектов составленного.

Это напоминает мне ситуацию с анализом эпистемических контекстов в логике: когда его пытаются проводить с опорой на понятие логической эквивалентности²², принцип взаимозаменяемости нарушается, поскольку в контекстах с операторами «верит», «знает», «полагает», «надеется», «ожидает» и пр. совпадение выражений по значению не гарантирует тождества смыслов. А это значит, что синонимия (тождество выражений по смыслу) несет в себе нечто большее, чем тождество выражений по значению, пусть даже во всем множестве возможных миров.

Поясню на примере. Пусть мы имеем выражение «Коля знает, что число жителей Москвы больше миллиона», и оно истинно, т. е. некий Коля это действительно знает. При этом из математики известно, что миллион — это 10^6 . Согласно принципу взаимозаменяемости в контекстах с операторами, замена L-эквивалентных подоператорных выражений не меняет истинности исходного контекста: в нашем случае Коля, знающий, что число жителей Москвы больше миллиона, *должен* знать и что оно больше 10^6 . Совершенно очевидно, что такой вывод на основании истинности первых двух посылок сделать нельзя. Допустим, если Коля ученик второго класса, он может знать первое, но не знать последнего, поскольку степенные функции во втором классе еще не проходят. В любом случае, общезначимым подобный вывод не является.

---

²² L-эквивалентными называют выражения, значения которых совпадают во всех возможных мирах.

Это говорит о том, что синонимия выражений, хотя в некоторых случаях и выражима через апелляцию к L-эквивалентности, в общем случае тождественной ей не является.

Как же выражать невыразимое, как репрезентировать несоставное, не снижая его размерности, не разрушая подлинной изначальности? Как, не уничтожая феномены разряда целостности, говорить о них с опорой на понятийные ресурсы уровня суммативности? Как мыслить о сложном и сложностном, самим актом категориального, а значит, дуально отстроенного, мышления не уничтожая и не искажая глубинную природу сложностности?

Для выражения невыразимого в традициях используется аппарат отрицательных суждений, намеков, подразумеваний, наведения на мысль, а также средства неязыкового выражения: непосредственный опыт, прямые демонстрации и пр. Но в основе всего — всегда и исключительно — все-таки скачок осознанности, трансформация состояния сознания субъекта познания, то, что я назвала целением целостностью: когда создаются условия, в которых индивид может с большей вероятностью, чем в обыденной повседневности, пережить опыт преобразования недвойственностью. В результате то, что требовало языкового оформления и аналитического оперирования информацией из перспективы двойственного мироощущения (что и характеризует мышление как привычный **формат деятельности**), оказывается так же просто, прямо, непосредственно и самоочевидно усмотрено, схвачено, как прямо перед нами представшее. Так рождается модус мышления как *немышления* (его также именуют неконцептуальным мышлением): модус скачкообразного преобразования, осуществляющегося вне привычных для стандартной мыслительной процедуры преобразований информации в ряде последовательных когнитивных актов (действий, направленных на достижение постепенного роста известного).

Однако наука так строиться не может, хотя бы потому, что открытое кем-то в скачке эмерджентной трансформации осознанности, чтобы стать для другого столь же бесспорно очевидным,

должно быть им либо лично пережито, либо научно обосновано, доказано. Самоочевидность, достигаемая в скачке личного преобразования, — материя тонкая, контролю не поддающаяся, а потому мало и трудно воспроизводимая. Альтернативный путь — доказывание инсайтно постигнутого, чтобы принятое в статусе рационально обоснованного, а потому *заслуживающего* доверия, стало достоянием многих. Но в акте такого доказывания (процедуры дуализирующей размерности) само переживание, лежавшее в основе доказываемого, — а именно, его неповторимость и глубина, утрачиваются. Поэтому знакомящиеся с подобным обоснованием получают знание как итог, готовый продукт, лишаясь при этом возможности, пережив, прочувствовать всю глубину свершившейся при его рождении трансформации, состоявшегося «целения проблемной ситуации целостностью пережитого преобразования». Изучающие получают транслируемое знание не как целостность, знаменующую тотальное преобразование пространства когниции (вне диссоциации на переживаемое, переживающего и в таком преобразении постигнутое), а как составность «субъект творчества/объект творчества/процесс порождения нового/результат», между **частями** (sic!) которой выявляются **отношения**, устанавливаются **связи и зависимости**, вычленяются **причинно-следственные** линии (модус экстенсионализации экстенционально *несущего*). И это совсем другой уровень понимания-осмысления свершившегося преобразования знаемости: тайна, загадка, мистерия, представшая как простой (или не очень простой в исполнении) ментальный фокус.

Тот скачок осознанности, который преобразует пространство когниции в формате «все и сразу», происходит тогда, когда инсайтно постигается, что компоненты знакомого, рассматривавшиеся как взаимоисключающие, вдруг предстают как взаимопологающие, как всего лишь разные грани проявления одного и того же глубинного свойства, явления, состояния. Под таким углом зрения увиденное (как взаимная допустимость, как обоюдобусловливание) репрезентирует радикальное преобразование знакомого, пережитого как алхимическая трансмутация. И это

не просто «примирение противоположностей», как можно было бы подумать. Другим аспектом состоявшейся в этом процессе трансформации выступает схватывание того, что в таком свете представшее — не просто соединение прежде несоединимого, поверхностно воспринимаемое как их синтез. Это глубинная трансмутация, свидетельствующая о рождении новой, никогда не бывшей целостности. Такой впервые рождающейся целостностью предстает человек, переживающий озарение в акте осознания, причем последнее — вроде бы — может быть выражено/представлено/описано как «примирение противоположностей», но на самом деле им не является, знаменуя рождение на свет новой, никогда не бывшей целостности. **Став** в скачке инсайтного озарения целостным, человек реализовал целостность собою и в себе, тем самым актуализировав ее **как модус представленности невыразимого в пространстве, подобное выражение исключаящем** (пространство дуализации опыта).

Философ и суфийский мистик Идрис Шах подобную трансформацию описывает с точки зрения рождающегося в этом процессе потенциала: «Когда примираются внешне противоположные вещи, личность становится не только совершенной, но и выходит за рамки знакомых нам человеческих возможностей. Приблизительно это состояние можно описать, сказав, что человек становится безмерно могущественным. Что именно это означает и как это происходит, можно узнать только из личного опыта — обычные слова здесь бессильны».²³

Упомянутое преобразование становится возможным потому, что то, что из поверхностной перспективы (с позиции стороннего наблюдателя) *видится как* синтез, соединение/слияние противоположного, на самом деле представляет собой **возникновение** нового, противоположностей не содержащего, из них не состоящего, их вычлениением не объясняемого и к их объединению/синтезу несводимого. Так в пространстве дуального опыта, адекватного выражения невыразимого не обеспечивающего, находит

---

²³ Шах Идрис. Суфии. М.: Локид-Пресс, 2001. С. 157.

воплощение (обретает «представленность во **плоти**») невыразимое, не утратив при этом ни своей видоспецифичности, ни своей неповторимости, ни своей размерности, превышающей все то, что осталось в основе трансформации. Это оказывается возможным потому, что размерность человека, пережившего подобную пертурбацию, есть размерность целостности, и она конгруэнтна размерности того явления, которое **посредством** него и **через** него обретает проявленность в мире двойственности. Она конгруэнтна размерности сложностного статуса интендированной к самораскрытию целостности, рекурсивно замкнувшейся в усилии самопостижения. Поэтому тип мышления, соответствующий типу пертурбации, свершающейся в описанном преображении, я называю **мышлением посредством сложности**.

Как возможно мышление посредством сложности?

Данный модус оперирования информацией видится мне реализуемым там и тогда, где и когда перцептивно-коммуникативный статус пространства когниции оказывается удовлетворяющим ряду небанальных требований. И прежде всего следующему: восприятие и осмысление происходящего в актах познания и творчества осуществляется из перспективы *недиссоциирующего* мировидения.

Под *недиссоциирующим* модусом мировидения я понимаю такую мировоззренческо-методологическую **платформу** отношения человека к себе и к миру (а также к отношениям, признаваемым возможными между собой и миром), опираясь на которую он готов смотреть на реальность вне перспективы эго-центрирующего сознания. В целом — **не** с позиции стороннего наблюдателя, вынесшего себя за скобки воспринимаемого и не относящего себя к воспринимаемому, тем самым воздвигая барьер инаковости между собой и воспринимаемым. И даже **не** из перспективы агентированной коммуникативности, т. е. такого формата истолкования структуры общения, которое в основу восприятия пространства диалога полагает мировоззренческий постулат, в соответствии с которым пространство взаимодействия исчер-

пывающе представимо как субъект/объектно фреймированное, причем вся полнота познавательной и преобразующей активности мыслится сосредоточенной на стороне субъекта познавательной активности как агента действия.

Эго-центрирующий формат мировидения привычен человеку технократически ориентированного социума вследствие высокой эффективности в «выстраивании отношений» с реальностью мезокосма (пространства незначительных скоростей, средних размерностей и обыденных, *не-экстраординарных*, возможностей). Однако если мы переходим к пространству и возможностям, так сказать, «более требовательным» к аппаратному оснащению адресации, нам потребуются инструменты и ресурсы, обеспечивающие оптику более высокого разрешения. Но обрести их, как я полагаю, можно только изменив логико-методологическую платформу мировидения, с опорой на которое мы пытаемся воспринимать, осмысливать и реконструировать смысл разворачивающихся процессов.

Иными словами, я акцентирую актуальность изменения глубинных оснований мироупорядочения, связываемого мною с отказом от изначального, зачастую неосознаваемого принимаемого в статусе самоочевидного, а потому особенно трудно корректируемого представления *об универсальности* субъект/объектного членения универсума когниции, — а также производных от методологии подобной схематизации фреймов: агентивного формата истолкования феномена деятельности и субъект/предикатного членения универсума как физического существования, так и пространства когниции, с подобным *видением* коррелирующего.

Это ни в коем случае не означает, что надлежит отбросить привычные, сослужившие добрую службу и все еще хорошо работающие схемы мировидения, позволяющие строить науку, организовывать экспериментальные исследования, соблюдать требования объективности, воспроизводимости, проверяемости и пр. в научном поиске. Речь о том, что, полагая (вне критического рассмотрения презумпций собственных когнитивных выборов)

некие методолого-мировоззренческие постулаты в самое основание картины мира как бесспорную самоочевидность, мы *изначально* ограничиваем и тем самым искажаем потенциал возможного на так заданном пространстве осуществимого. Вместе с тем, исследования корреляций структурных показателей в формальной логике свидетельствуют: то, какими возможными положениями вещей описывается система, задает то, какие закономерности окажутся реализуемы на так представленном пространстве возможного. А значит, определяет и то, что обретет статус допустимого, контролируемо порождаемого и рационально обосновываемого. Это в современных условиях максимизации вызовов со стороны совершенствующейся вычислительной среды, в которую мир человека оказывается все плотнее погружен, становится критически актуальным, поскольку именно выразительные потенции языков — в том числе языка философии, языка логико-методологического анализа, — определяют место и роль философии в современном пространстве научного дискурса.

В рамках предлагаемого мною решения сложностность предстает как не только характеристика саморазвивающихся систем, и даже не формат включенности агента действия в контекстах противопоставленности «субъект-объектного» членения пространства познавательных взаимодействий, а как самореализующаяся способность *интендированных к самораскрытию* состояний, как самая основа динамики жизненности в пространстве физически воплощенного.

В целом, потенциал «мышления *посредством* сложностности» — как особого модуса функционирования разума — раскрывается тогда, когда пространство, в котором данное свойство оказывается актуализируемым, допускает возможность мышления-как-*недеяния*.

Когда-то М. Хайдеггер назвал мышление «воистину действием». Так вот, когда мы смотрим на процесс познания, динамику реализации познавательной интенции как на такой процесс, в котором есть активное и пассивное действующие начала, агент

действия и деятельность, им осуществляемая, наше рассмотрение направляется из перспективы деятельностной парадигмы. В результате мы формируем образ мышления как — *всегда и исключительно* — деятельности. Описывая и исследуя закономерности так конституированного процесса, мы забываем, что возможен альтернативный модус: мышление как *немышление* (о нем говорят некоторые духовные традиции) и мышление из перспективы *недеяния* (*у-вэй* в даосизме). Это мышление, которое осуществляется вне агентизирующей схематизации контекста взаимодействия. Оно имеет исток в специфическом отстраивании пространства когниции, когда исчезают *«тот, кто мыслит/воспринимает/наблюдает»* и мышление/восприятие/наблюдение как осуществляемая им *деятельность*. В подобном формате нет больше изолированных инстанций, противостоящих друг другу в статусе дуализированных предметностей, потому что *в нем вообще нет предметностей* (в концепции реляционно-трансдуктивного мышления, а также в подходе Ж. Симондона, как представляется, этому статусу соответствует фаза доиндивидуальности).

Феномен предметной представленности в формальной логике, занимающейся изучением специфики структурной связности на заданном пространстве исследуемого, соотнесен с экстенсией размерности репрезентации: значениями, объемами, множествами, элементами. Есть более глубокий уровень описания форматов связности: смыслы, качества, свойства, отношения. Его можно назвать неэкстенсией. Но есть и то, что не поддается даже такой схематизации, а может быть более или менее приблизительно представлено с использованием отрицательных суждений: как *а/предметное, не-субстанциональное, несоставное*: ни на множества, ни на элементы не распадающееся, ни из частей, ни из составляющих не состоящее. Это интенсией модус мирообращенности.

Полагаю стандартный уровень адресации к сложности из перспективы субъект/объектной рациональности (классического и неклассического толка) может быть назван экстенсией. Концепция реляционно-трансдуктивного мышления — это пост-

неклассическая рациональность и неэкстенциональная размерность репрезентации процессов и состояний. То, что подразумеваю я, называя данный модус функционирования разума мышлением посредством сложности, — это интенциональный регистр репрезентации сущего. И он же — ресурс, позволяющий хоть в некотором приближении выражать невыразимое. В частности, за счет отрицательных суждений, намеков, подразумевания и пр. Это формат приблизительного описания предметно не-сущего, субстратно (без существенных искажений) не предствимого.

В традициях утвердительные суждения, постулирующие при-сущность чего-то чему-то, характеризуются как провоцирующие искаженное понимание и подпитывающие ложные воззрения. В частности, сутра «Вопросы Сувикранта-викрамина» на этот счет категорична: «...Ни в малейшей степени невозможно указать: “Та мудрость — это. Та мудрость — из-за этого”». ²⁴

Чаньскому наставнику Бай-чжану принадлежат такие слова: «Необходимо различать совершенное и несовершенное учение, запретительные и незапретительные речи, живые и мертвые слова, излечивающие и насылающие болезнь суждения, обобщающие и конкретизирующие выражения. Говорить, что посредством самосовершенствования можно обрести природу Будды, что есть практика и есть понимание, что это сознание пробуждено, что само сознание и есть Будда — значит проповедовать учение Будды. Но это несовершенное учение». ²⁵ Есть незапретительные речи, есть обобщающие выражения, есть слова весом в один фунт и в одну унцию. Цель этих слов — выкорчевать нечистые мысли. Эти слова — положительное сравнение. Эти слова — мертвые. Эти слова — для обычных людей.

---

²⁴ Святая Сутра Махаяны «Вопросы Сувикранта-викрамина». Объяснение праджня-парамиты / Предисл., пер. с тиб. и коммент.: А. М. Донец. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 35.

²⁵ Не должна смутить подобная характеристика: любое учение считается несовершенным, т. к., выражая в словах невыразимое, и в понятиях непомышляемое, оно безнадежно огрубляет и искажает то, о чем учит.

Говорить, что посредством самосовершенствования невозможно обрести природу Будды, что нет ни самосовершенствования, ни понимания, что нет ни сознания, ни Будды, — это тоже учение Будды. Это слова совершенного учения, запретительные слова, конкретизирующие слова, слова весом в десять тысяч фунтов, слова отрицательного сравнения и отрицательного наставления, слова, преследующие цель выкорчевать чистые вещи. Это слова для тех, кто продвинулся на Пути. Это живые слова».²⁶

А вот и формы выражения, признаваемые легитимными: «Сувикранта-викрамин, то именуемое праджней и полным познанием не является, и полным незнанием не является, и [иным,] нежели то, не является, и не являющимся [иным,] нежели то, не является, поэтому должно называться праджней».²⁷

Итак, модус обращенности к миру, о котором я говорю, это формат функционирования разума, когда человек, отказываясь от активностно-преобразующей политики непрерывно осуществляемых интервенций с позиции диссоциирующего разума, останавливает непрекращающееся навязывание себя в качестве стороны коммуникации, от участия которой отказаться нельзя, потому что сама коммуникация *кого-то с кем-то, чего-то с чем-то* мыслится как непреложное условие реализации познания.

Парадигмальный Макросдвиг, полагаю, требует принятия в расчет а/субъектной, а/субстратной и а/предметной картины постигаемого. Это становится возможным вследствие реализации восприятия как первого и последнего впечатления, когда вся полнота внимания сосредоточена в мгновении «здесь и сейчас». Это постижение как единомоментность схватывания «всего и сразу», осуществляющаяся инсайтно, это знаемость как скачок осознанности в акте алхимической трансмутации пространства организации познавательного взаимодействия: мышления как самораскрытия, когда познавательный процесс осуществляется не как агентивная деятельность *в пространстве между*. Это таинство преобразования осознанности в актах познания как самопостиже-

---

²⁶ Пять домов дзэн. СПб.: Евразия, 2001. С. 44.

²⁷ Святая Сутра Махаяны «Вопросы Сувикранта-викрамина». С. 34–35.

ния: без вмешательства позиции субъекта и агента деятельности, разворачивающееся в пространстве безмолвствующей тишины, в позволении просто всему быть, предоставлении права и возможности интендированному к самораскрытию содержанию состояться. Это надеяние в пространстве внимающей пустоты, посредством которого все, что тяготеет к проявлению, в собственном ритме, в собственной динамике самораскрытия, имеет шанс реализоваться.

Такова, в моем понимании, одна из предпосылок осуществления парадигмального сдвига, потребного для того, чтобы подлинные потенции человеческого разума могли быть выявлены и описаны.

Заключение. Формат мышления посредством сложности, представленный в данной главе, имеет неочевидную и сложную в реализации вербальную выразимость. Кроме того, он не может быть репрезентирован в контексте исключительно ментального оперирования информацией: как говорили мудрые, истина должна быть пережита. Так какие же средства, ближе подходящие к оптике интенционального рассмотрения, можно использовать, когда требуется охарактеризовать превращение, состоявшееся в контексте осуществленного инсайтного постижения? Какими ресурсами воспользоваться, когда есть намерение передать постигнутое в акте инсайтной трансмутации другому, но не как уплощенное результирующее положение вещей: не просто готовый, «конечный» продукт творчества, знание, индивидуализировавшееся в своей окончательности, а индуцировав личное, глубинное переживание воспринимающего, «встречающего» это знание на уровне «первого и последнего впечатления»?

Полагаю, для этого требуется подвести человека к осознанию того, что даже таким образом обретенное, в скачке эмерджентной осознанности рожденное, — лишь частичная истина, несмотря на всю ее бесспорную индивидуально-личную очевидность для прошедшего через опыт алхимической трансмутации знакомого: не итог, не окончательность, не индивидуализировавшаяся «став-

шесть» безапелляционно известного, а лишь другая грань, другая ипостась невыразимого и из противоположностей *не* состоящего. Это можно сделать, дав возможность человеку осознать, что и суждение, выражающее инсайтную трансформацию, верно, и противоположное ему верно, а значит, неверно ни то, ни другое, потому что то, о чем они пытаются говорить, **превышает**, превосходит и то, и другое, не являясь ни тем, ни другим, **и тем не менее**, *допуская* приблизительное выражение как «Истинно **и** то, **и** другое». Когда мы осознаем, что поверхностное выражение невыразимого в формате двойственного синтеза противоположностей превышает подобного рода синтез, мы получаем доступ к осознанию истинной природы целостности: как того, что превосходит собственную представленность в формате суммативности. В акте алхимической трансмутации пространства когниции, — хотя было применено «примирение противоположностей» за счет их синтезирования в некую составность, — на самом деле рожден феномен целостности как того формата связности, который превосходит собственную репрезентацию в виде суммативной развертки «примиряемого». Такой скачок осознанности случается тогда, когда, вдруг осознав, что анализируемое им есть и то, и это, а значит, не то и не это, человек трансцендирует границы «того» и «этого».

Принимая и мышление *вместе-со-сложностью*, разрабатываемое в рамках реляционно-трандуктивного подхода, и мышление *посредством* сложности как различные грани модуса адресации разума к объекту интереса: агентированный, субъект/объектно фреймированный, деятельностный *vs* а/субстратный, бессубъектный, актуализируемый в формате надеяния, мы получаем возможность выйти за пределы границ, очерчиваемых этими конstellациями смыслов.

Когда мы осознаем, что мышление — это и то, что *может быть понято* как реализуемое в статусе «вместе-со-сложностью», и как то, что *представимо* как реализуемое вне дихотомизации на субъект/объектно противопоставленные инстанции, а также вне агентированного модуса непрерывно осуществляемых интервен-

ций эго-центрированного разума в тяготеющее к проявлению содержание, мы получаем возможность видеть процесс познания/ постижения как то, что, **будучи и тем, и этим, не является ни тем, ни этим, превосходя** по своей глубине и размерности и то, и это.

На основе подобной методологии становится различимым, что глубинной действующей инстанцией, тяготеющей к самораскрытию, оказывается *сложностность как таковая*: устремленная к проявлению в пространстве физически воплощенного **самопостигаемость**, реализующая себя в соответствии с собственной предрасположенностью трансформироваться. Сложностность, как интендированность к самораскрытию, проявляет себя в пространстве когниции, когда альтернативные модусы функционирования разума преодолеваются в осознании их необщезначимости и ограниченной приложимости. Вследствие подобного рода скачка осознанности сам собою устанавливается режим внимающего безмолвия, предоставляющий пространство, а также право и возможность «всему быть», в согласии с собственной логикой и динамикой самовыражения состояться.

В режиме обеспечения полноты ненарушаемого бдительного присутствия в мгновении «здесь и теперь» даже ранее знакомое, кажущееся хорошо известным, может раскрыться как никогда прежде по-настоящему, в полном богатстве своего содержания, не воспринимавшееся, по своему смысловому наполнению превосходящее то, что может быть усмотрено из перспективы поверхностного взаимодействия с предметом интереса. Пока взгляд наблюдателя сохраняет поверхностную заинтересованность в происходящем (что выражается во включенности модуса эго-рецепции как составной части экстероцепции), он закрывает для себя возможность воспринимать предмет интереса всеобъемлюще и глубинно: так, как будто это его первое и последнее впечатление. Но в творческом постижении, способном обеспечить скачок осознанности, именно такое **видение-усмотрение** оказывается по-настоящему продуктивным, обеспечивая инновационное восприятие даже давно и хорошо известного. Думается, в

этом одна из предпосылок «взгляда гроссмейстера», в отличие от «восприятия первоурядника», о котором в свое время говорил Х. Дрейфус.

Второй значимый момент, который хотелось бы подчеркнуть в Заключении: формат выражения мысли *небезразличен* к тому, *что именно* в результате оказывается выражено: форма репрезентации — не просто извне налагаемая «оболочка на мысль», набрасываемая на нее, как шуба оказывается брошена на плечи женщины. Форма выражения — это *модус генерации* мысли, это ресурс, *посредством* которого мысль *появляется на свет*. Отношения выраженного содержания/смысла и формы выражения, если смотреть «глазами нерожденного», т. е. из перспективы недуализирующего разума, — это две грани, две ипостаси одного и того же глубинного феномена: интендированной к самопостижению целостности, в рекурсивном самооборачивании проявляющей себя — среди огромного множества разнообразных дихотомических пар — и как дихотомия «содержание/форма». Однако недуальная ипостась их соотнесенности, *доиндивидуальный* уровень целостной представленности — это также наличествующий формат связности, который остается неактуализированным, невидимым из перспективы диссоциирующего разума, но который никуда не исчезает от того, что его не замечают.

В аспекте недуального модуса связности — как реализованного статуса «нерожденности», *доиндивидуального не-пребывания* в формате ставшей предметности, — содержание и форма представляют собой две грани проявления единой размерности, превышающей как каждую из «составляющих», так и их совокупность: соединение в синтезе противоположного. Эта «превышающая размерность» характеризует модус целостности, понимаемой как несоставность: из частей и компонентов не состоящее, к их совокупности не сводимое. И именно такова размерность, характеризующая сложность интендированной к самораскрытию и самореализации целостности.

Интенциональный уровень заявленной задачности, представленный использованием экстенциональных по своему потенциалу средств выражения, снижает исходно постулированную размерность до уровня неэкстенциональности, становясь форматом суммативного выражения составно *несущего*, в подобной репрезентации утрачивающего свою идентичность. Потому реляционно-трансдуктивный подход я вижу как неэкстенциональный, а не интенциональный, как подсказывает ожидание, основанное на формулируемых в рамках него идей и целей.

Что требуется, чтобы при выражении невыразимого, при обращении к анализу не поддающегося аналитическому рассмотрению (без снижения размерности выражаемого и утраты его видоспецифичности) не происходило «схлопывание» глубинной природы выражаемого?

По сути, это вопрос о том, можем ли мы «поверить гармонию алгеброй», не разрушив при этом гармонию, не исказив гармоничности звучания изучаемого. И он, безусловно, заслуживает самостоятельного исследования, поскольку представляет собой средоточие многих силовых линий развития современного аппарата когнитивистики: логики, теории сложных систем, эпистемологии, когнитивной лингвистики, неклассической методологии и пр. При этом подобное исследование имеет шанс обернуться продуктивными результатами в том случае, если рассмотрение удастся вывести в сферу трансдисциплинарности, предоставляющей шанс мыслить о непомышляемом, о целостности, не сводя ее к суммативности и не снижая размерности за счет оперирования ресурсами, заявленную оптику в полной мере не обеспечивающими.

Говоря о подобном оснащении, отмечу, что это должна быть тончайшая грань, баланс между использованием точных средств, имеющих в своем основании аппарат экстенционального уровня: элементы, множества, их совокупности и их соотношения, — и тот формат выражения невыразимого, который оказался разработан в духовных традициях. Последний является чрезвычайно сложным по своей структуре и имеет в основе осознание ограни-

ченности потенциала тех выразительных ресурсов, которыми на сегодняшний день располагает язык научного дискурса, успешно применяемый при изучении динамик, характерных для рутинной повседневности неэкстраординарных процессов, обстоятельств и состояний, но оказывающийся не столь эффективным, когда мы обращаемся к неповторимому, невсеобщему, спонтанному, экстраординарному и тотально инновационному.

И третий момент, на котором в Заключении хотелось бы акцентировать внимание, это проблематика противоречивого дискурса в контексте соотнесения с феноменом многомерности. Полагаю, при определенных условиях противоречивое описание состояний способно вывести в многомерие как всего лишь другую ипостась проявления целостности. Это возможно при **осознании** субъектом *незавершенности, неадекватности, неполноты* репрезентации имеющегося в формате утверждений типа «Имеет место р и не-р», а также «Истинно как р, так и q» (где р и q — контрарные положения вещей). И то, что в этой связи заслуживает особого внимания, это *методологический* ракурс приложимости упомянутого потенциала.

Поскольку в статье большое внимание уделено модусу недуальности в репрезентации глубинной природы трудно выразимого опыта, постольку особенно актуальным будет для меня подчеркнуть: недуальное миропонимание, хоть и *видится* альтернативным двойственному, на самом деле таковым не является. И то, и другое — лишь грани, ипостаси проявления более фундаментального единства того, что ни в формате первого, ни в формате второго в полной мере не представимо. Осознание истоков коллизии создает предпосылки для реализации скачка осознанности, выводящего из мира противопоставленности в пространство многомерности. Причем подобный выход может быть осуществлен не только на уровне, так сказать, языка-объекта (по типологии Бертрана Рассела), но на уровне метаязыка: как «обслуживающего» аппарат репрезентации когнитивной соотнесенности **моделей**, устанавливающих допустимые параметры соотнесенности.

Подобный аспект проявления мыслительного потенциала человеческой интеллектуальности может быть представлен посредством ресурсов естественного языка и аппарата категориального мышления в формате, практикуемом духовными традициями. Вот образец того, как репрезентируется глубинное знание: «Истинное понимание [вещей] есть не-понимание, и потому оно называется истинным пониманием».²⁸

Анализируя логическую структуру выражения глубинного знания в «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутре», философ и буддолог Е. А. Торчинов отмечает, что она нигде не приобретает вид «"А" есть "не А", и потому "А"». Формула выражения всегда иная: «Об "А" говорят как о "не А", поэтому и называют "А"». Он заключает: «Смысл этой формулы в том, что нежелательно смешение двух уровней: уровня значения (обозначаемого, денотата) и уровня выражения (смысла, коннотата). Когда некая "вещь" называется, то это название не имеет отношения к ней как к вещи в себе... Все названное только лишь ментальный концепт (санскр. "самджня"; кит. "сян"), а отнюдь не сама реальность. Попытка же связать выражение или коннотат (то, о чем говорят "А") со значением (это есть "А") и является тем "заблуждением", против которого направлено учение сутры».²⁹

Важный момент: именно «говорят как о», т. е. не «что-то является чем-то потому-то», а о не являющемся ни тем, ни этим, в то же время представимом как то и это, *говорят как об* этом.

Таков существенный нюанс, который выводит в сферу истолкования феномена именованного, а соответственно, природы языка, речи, мышления как интегральной способности знать и познавать всеми теми способами, всеми теми ресурсами, которые находятся в распоряжении человека, — не важно, осознает ли он их подлинную суть, вписываются ли они в его актуальные теоретические представления, соответствуют ли стереотипам испо-

---

²⁸ Судзуки Д. Т. Антология дзэн-буддийских текстов. СПб.: «Наука», 2005. С. 62.

²⁹ Торчинов Е. А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты на примере «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутры» // Психологические аспекты буддизма. Отв. Ред. Н.В.Абаев. 2-е изд. Новосибирск: «Наука», 1991. С. 49.

ведущего им здравого смысла или нет. Именно поэтому важно понять, в пространстве какой размерности мы обнаруживаем себя, когда начинаем смотреть на мир не сквозь призму одного **или** другого глобального модуса мировидения (двойственного, фрагментирующего, или недугального, условно говоря, синтезирующего), а сознавая ограниченность обоих, удерживая в уме эти грани и, тем самым, выходя за пределы границ, трансцендируя и их, и себя в так отстроившемся скачке осознанности.

Полагаю, данный ресурс выражения, несмотря на свою громоздкость и сложность, а также дополнительные требования, предъявляемые к осознанности субъекта суждения, является эвристически, методологически и концептуально ресурсным, поскольку прямо выводит осознание в пространство несоставного, давая возможность реализоваться «алгоритму целения целостностью». При этом главной ипостасью реализовавшейся трансформации выступает актуализация размерности более высокого регистра, чем размерность суждений, лежавших в основе скачка осознанности. Именно подобного рода преобразование (и пространства знаемости, и того, кто знает, и потенциала познаваемости как постигаемости всей полнотой экзистенциальной целостности человека) я имею в виду, когда использую метафору алхимической трансмутации, знаменующей максимально возможный парадигмальный сдвиг в **видении** потенциала человеческой интеллектуальности.

Итак, духовные традиции и логический анализ, — кажется, что может быть дальше отстоящим друг от друга? И, тем не менее, «идейная перекличка» ассоциативно не близкого, не очевидно соотносимого, позволяет с разных сторон, из противоположных мировоззренческих перспектив представить недостижимое, превышающее потенциал выразимости посредством ресурсов, в размерности 2D/3D отстроенных (естественного языка, мышления, категориального аппарата рутинно познаваемого). Искомое многомерие, напрямую, «в лоб» (за счет апелляции к опыту и ресурсам обыденной повседневности) не отображаемое, может само всплывать, актуализироваться в пространстве когниции,

воплощая потенциал «дотянуться» до недостижимого, превышающего размерность того, чем человек располагает в реальности 3D форматированного.

Данное положение вещей осознается многими, как в среде ученых, так и в среде представителей духовных традиций. Неслучайно стали так популярны встречи Далай-ламы с представителями научного сообщества, проводимые на регулярной основе.³⁰ Искомое многомерие давно и заслуженно выступает предметом устремлений специалистов самого разного профиля, поскольку ресурсность такого инструментария как потенциала дотянуться до невыразимого выглядит неоспоримой.³¹

Думается, где-то на стыке самых мощных ресурсов точных дисциплин и самых глубоких духовных прозрений традиционных учений мы сможем обнаружить подлинный потенциал человеческой интеллектуальности не только как возможности знать глубинно-сущее, но и как способности адекватно выражать, репрезентировать знаемое, — даже если размерность намеченного к выражению превосходит размерность используемых для этого ресурсов.

---

³⁰ Кокурина Е. В. Мир сознания и сознание мира // В мире науки/Scientific American. 2018, N 5-6. P. 20–24.

³¹ См., напр., Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению. Одесса: Печатный дом, 2010. 372 с.; Мэнсфилд В. Тибетский буддизм и современная физика: На пути к единству любви и знания. М.: Новый Акрополь, 2010. 208 с.; Минделл А. Квантовый ум: грань между физикой и психологией. М.: Ганга, 2018. 716 с.; Смаллиан Р. Молчаливое Дао. М.: Канон+, 2021. 224 с.

Литература

Crăciun C. Pluridisciplinarity, Interdisciplinarity and Transdisciplinarity: Methods of Researching the Metabolism of the Urban Landscape / Planning and Designing Sustainable and Resilient Landscapes, 2014. P. 3–14.

Mishkin M., Ungerleider L., Macko K. Object vision and spatial vision: Two cortical pathways // Trends in Neuroscience. 1983, N 6. P. 414–417.

Neisser U. The Roots of Self-Knowledge: Perceiving Self, It, and Thou // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y.: New York Academy of Sciences, 1997. P. 19–33.

Transdisciplinarity: Theory and Practice / *B. Nicolescu* (ed.). Cresskill: Hampton Press, 2008. 299 p.

Бескова И. А. Смыслообразование как эпистемологический феномен // Философия творчества: Философско-методологический анализ творческих процессов. Вып. 9. М.: Голос, 2023. С. 106–180.

Беркен Т. Экстремальная духовность: Потрясающее путешествие за внутренние границы. Киев: София, 2004. 223 с.

Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению. Одесса: Печатный дом, 2010. 372 с.

Гратцер У. Эврики и эйфории. Об ученых и их открытиях. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. 655 с.

Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978. 334 с.

Киященко Л. П. Метафизический хронотоп творчества // Философия творчества. Вып. 9. М.: Голос, 2023. С. 26–37.

Киященко Л. П. Человек в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания // Реплики: философские беседы / Отв. ред. Ю. В. Синюкая. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С.425–446.

Кокурина Е. В. Мир сознания и сознание мира // В мире науки / Scientific-American. 2018, N 5–6. P. 20–24.

Кришнамурти Дж. Самому себе. Последний дневник. М.: Ганга, 2020. 192 с.

Минделл А. Квантовый ум: грань между физикой и психологией. М.: Ганга, 2018. 716 с.

Мумонкан. «Застава Без Ворот». Сорок восемь классических коанов дзэн с комментариями *Р. Х. Блайса*. СПб.: Евразия, 2000. 350 с.

Мэнсфилд В. Тибетский буддизм и современная физика: На пути к единству любви и знания. М.: Новый Акрополь, 2010. 208 с.

Пять домов дзэн. СПб.: Евразия, 2001. 256 с.

Свирский Я. И., Аришинов В. И. Реляционно-трандуктивное мышление как аспект мышления-вместе-со-сложностью // Наука и феномен человека в эпоху Макросдвига. (Глава в настоящем издании).

Святая Сутра Махаяны «Вопросы Сувикранта-викрамина». Объяснение праджня-парамиты / Предисл., пер. с тиб. и коммент.: А. М. Донец. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 184 с.

Смаллиан Р. Молчаливое Дао. М.: Канон+, 2021. 224 с.

Судзуки Д. Т. Антология дзэн-буддийских текстов. СПб.: «Наука», 2005. 275 с.

Судзуки Д. Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев: ИД «София», 1996. 288 с.

Торчинов Е. А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты на примере «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутры» // Психологические аспекты буддизма / Отв. ред. Н. В. Абаев. 2-е изд. Новосибирск: «Наука», 1991. С. 104–124.

Человек как открытая целостность / Отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. 420 с.

Шах Идрис. Суфии. М.: Локид-Пресс, 2001. 448 с.

Эккерман Дж. Краткая история человеческого тела. 24 часа из жизни тела: секс, еда, сон, работа. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 348 с.